

НОРА РОБЕРТС

**ЭХО
СМЕРТИ**

**Москва
2022**

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
P58

Nora Roberts
ECHOES IN DEATH

Copyright © Nora Roberts, 2017

This edition published by arrangement with Writers House LLC
and Synopsis Literary Agency

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Инессы Метлицкой и Лианы Шаутидзе*
Художественное оформление *Юлии Девятовой*

Робертс, Нора.

P58 Эхо смерти / Нора Робертс ; [перевод с английского И. Метлицкой, Л. Шаутидзе]. — Москва : Эксмо, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-04-161480-5

Лейтенант полиции Ева Даллас и ее муж Рорк едут домой после благотворительного бала.

На дороге появляется женщина — обнаженная, раненая, испуганная. Незнакомка твердит, что на нее напал дьявол. Коллеги Евы уже занимались похожими делами. Со слов пострадавших, тогда преступник был одет в театральный костюм и загрирован до неузнаваемости.

Загадочные нападения продолжают, а значит, нельзя медлить.

Еве Даллас предстоит раскрыть новое запутанное дело, чтобы узнать, как выглядит дьявол и где он появится в следующий раз.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Метлицкая И., перевод на русский язык, 2022

© Шаутидзе Л., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-161480-5

Любимая! Умолкнет шум
Военных труб и флейт пастушьих;
Но эхо наших смертных дум
Пробудит отклик в новых душах¹.

Альфред Теннисон

Для зимы печальные подходят сказки².

Уильям Шекспир

¹ Альфред Теннисон (1809—1892) — английский поэт, наиболее яркий выразитель сентиментально-консервативного мировоззрения Викторианской эпохи, 1-й барон Теннисон, или лорд Теннисон. Для эпиграфа использован отрывок из поэмы «Принцесса» в переводе Г.М. Кружкова (*здесь и далее прим. перев.*).

² Строка из пьесы Уильяма Шекспира «Зимняя сказка». *Перевод П. П. Гнедича.*

Глава 1

Она чувствовала себя бестелесным, свободным призраком.

Умерла? Парит в воздухе?

Все вокруг казалось расплывчатым, поблекшим и несущественным. Или это она стала расплывчатой, поблекшей и несущественной, а мир вокруг нее движется, полный невидимых для нее красок и неслышимых звуков?

Если так, то смерть похожа на жизнь. И правда, какая разница? Разве что... Может, смерть — это свобода?

Вот только от чего?

На краю сознания что-то царапнуло крошечными ноготками — нужно бежать, спрятаться.

Но зачем? Какой смысл? От чего прятаться, от смерти? Мертвые ведь могут спать? Просто спать, спать, спать...

И все же ощущение было такое, будто она уже пробудилась, но все еще находится в тумане после сна.

Мысли разбрелись. Озадаченная, она никак не могла понять, куда попала — в рай или ад. Поблекшие цвета и расплывчатые формы казались странно знакомыми. Цвета вдруг стали резкими до боли в глазах, а очертания — острыми и грозили поранить.

Затем все снова поблекло и расплылось, и она ощутила покой. Странное, тихое успокоение.

А потом вдруг уловила запах. Да, точно, густой похоронный аромат лилий. И крови. Лилии и кровь, это ведь смерть, да?

Нужно просто лечь. Лечь и уснуть. Наверняка кто-нибудь придет и скажет, куда идти и что делать. Ангел. Или дьявол. В мозгу промелькнул смешанный образ обоих, и она вздрогнула. Нельзя ложиться! Могут ли мертвые испытывать страх?

Женщина подошла к двери и замерла, не сводя с нее глаз. Войти или выйти? Выйти или войти?

Так ли это важно?

Кто-то потянулся к ручке двери. Она сама?.. Во всем этом было что-то неправильное. Кровь и лилии. Дверная ручка повела себя странно — ускользала, двигалась вверх-вниз, во все стороны. Это такая игра, мелькнуло в мозгу, и она слегка улыбнулась. Что ж, поиграем.

Она протянула руку, отдернула, попробовала еще раз, поводила ладонью туда-сюда. Затем сомкнула пальцы вокруг коварной дверной ручки. И рассмеялась тихим, дребезжащим смехом.

Войти или выйти? Выйти или войти?

Дверь открылась, и женщина шагнула в проем.

Мир мертвых оказался одновременно и ярким, и темным. Покорившись, она вошла.

* * *

Больше всего на свете Еве сейчас хотелось избавиться от платья и сбросить туфли на убийственно высоких каблуках. В конце концов, она исполнила свой

долг и заработала жирный красный плюсик в графе «Правила счастливого брака», когда нарядилась и на-красилась, чтобы весь вечер играть роль жены успешного бизнесмена.

И кто только придумал устроить благотворительный бал зимой? Разумные люди предпочитают сидеть дома в теплой удобной одежде, когда лютый февраль поднимает безобразную голову. А такой морозной ночью даже не столь разумные давно спят, уютно свернувшись калачиком. И все же это не повод уваливать от обязанностей хорошей супруги.

По счастью, Еве с мужем удалось провести три восхитительных дня на личном острове Рорка, наслаждаясь жаркими пляжами и еще более жарким сексом. И если после всего этого нужно было пойти на маскарад, она не против, тем более что бал уже заканчивается.

В понедельник она вернется на службу, будет носить удобную одежду и ботинки. А еще полицейский жетон и пистолет.

Впрочем, жетон с пистолетом и сейчас при ней, лежат в дурацкой блестящей сумочке. Лейтенант Ева Даллас никогда не расстается с оружием и жетоном.

Наконец она скользнула в уютную и теплую машину, бросила взгляд на фешенебельный истсайдский отель. Какое счастье, что и он, и его вычурный, битком набитый бальный зал остались в зеркале заднего вида!

Рорк повернулся, взял ее за подбородок и, проведя большим пальцем по ямочке, поцеловал.

— Спасибо.

«Вот так, — подумала Ева, глядя в шальные голубые глаза человека, созданного богами в особо удачный

день. А она почти весь вечер тайно досадовала и злилась».

— Мне понравилось.

Рорк расхохотался и еще раз поцеловал Еву, едва не выехав на обочину.

— Да ты ненавидела девять минут из каждых десяти!

В смеющемся голосе Рорка звучал легкий ирландский акцент, идеальное дополнение к красивому лицу, обрамленному непокорными черными волосами.

У Евы мелькнула мысль, что боги поначалу соединили лучшие черты воина, поэта, ангела (падшего, чтобы добавить чуточку пикантности), а потом обрекли свое творение на любовь к необщительной оторве-копу, чье дело расследовать убийства.

— Ну, может, только семь с половиной из десяти. Было приятно повидаться с Чарльзом, Луизой и обоими Мира. Я нормально себя вела?

— Безупречно.

— Если бы! — Ева негодуяще фыркнула. — Ты, наверное, не слышал наш разговор с той особой, у которой прическа вроде башни из взбитых сливок. — Она покрутила пальцем над собственными короткостриженными каштановыми волосами. — Я сказала, что не хочу возглавить ее комитет по интеграции исправившихся преступников в общество, так как слишком занята тем, что отправляю этих преступников в тюрьму.

— Слышал. Она принялась объяснять тебе, что полиция слишком много внимания уделяет наказанию, а следовало бы заняться интеграцией. Страшно рад, что ты ее не стукнула.

— Еле сдержалась. Можешь поспорить на свою великолепную задницу, что если один из ее ИП — так

она их называет, — вломится к ней в дом, шарахнет по ее завитой башке чем-нибудь тяжелым и скроется со всеми многочисленными побрякушками, она не будет читать мне лекции о том, что закону не достаёт любви и сострадания.

— Ну, ей не приходилось стоять над трупом или сообщать людям, что их близкий погиб. Поэтому она понятия не имеет, сколько душевных сил и сострадания требует подобная работа.

— Точно. К счастью, я ее не прибила, да и остальных пальцем не тронула. — Довольная собой, Ева устроилась поудобнее. — Теперь можно и домой, скинуть эти дурацкие тряпки.

— Я любовался тобой в этих тряпках почти с таким же удовольствием, с каким я их с тебя сниму.

— И мы поспим завтра подольше, да? Не будем никуда спешить, как парочка ленивых улиток, а потом...

Ева внезапно умолкла — наметанный полицейский взгляд заметил что-то неладное.

— Господи Иисусе! Тормози!

Рорк и сам увидел женщину, которая шагнула в свет фар перед его машиной. Обнаженная, вся в крови, незнакомка брела, глядя широко распахнутыми, пустыми глазами.

Ева выскочила из машины, на ходу стаскивая пальто, но Рорк скинул свое первым и закутал женщину.

— Она почти насмерть замерзла, — сказал он Еве, затем повернулся к незнакомке. — Все будет хорошо.

Женщина холодной как лед рукой коснулась его лица.

— Ты ангел?.. — Огромные глаза закатились, и она потеряла сознание.

— Давай ее в машину, быстрее. Одеяло есть?

— В багажнике, — ответил Рорк.

Он отнес женщину в машину и, пока Ева доставала одеяло, уложил в уютном тепле.

— Я буду с ней на заднем сиденье, — сказала Ева. — Брось мне мою сумочку. Поезжай в больницу святого Андрея, она ближе всего.

— Знаю.

Рорк кинул Еве сумочку, сел за руль и вдавил педаль газа в пол.

Ева достала коммуникатор, позвонила в больницу.

— лейтенант Ева Даллас. — Продиктовав номер полицейского жетона, она продолжила: — Везу к вам неизвестную женщину, возраст — двадцать — двадцать пять лет, характер повреждений неясен, но, похоже, у нее сильное переохлаждение. Будем через пять минут. — Бросив взгляд на спидометр, Ева попросила Рорка: — Уложись в три.

Она сфотографировала коммуникатором лицо незнакомки и странгуляционную борозду, которую заметила только сейчас.

— Кто-то вырубил эту несчастную, придушил и, скорее всего, изнасиловал. На теле порезы, много ссадин, хотя сомневаюсь, что вся кровь принадлежит ей.

— Вряд ли она долго бродила в таком виде. Час не слишком поздний, к тому же на нее обратили бы внимание.

— Волосы в крови, — пробормотала Ева, ощупывая голову жертвы. — Ударили по затылку.

Жалея, что при себе нет чемоданчика криминалиста, она внимательно изучила руки и ногти женщины, и оторвалась от осмотра, только когда Рорк свернул к приемному отделению.

Их ждали: двое врачей или санитаров — сразу и не разберешь, — стояли с каталкой у входа. Рорк еще не успел остановиться, а Ева уже распахнула дверь машины.

— Она на заднем сиденье. Ее душили веревкой или шарфом, на голове рана, похоже, нанесена тупым орудием. И необходимо проверить, была ли она изнасилована.

Ева посторонилась, давая медикам возможность переложить женщину. Те торопливо завезли каталку в отделение, один из них (судя по виду, ему только недавно стали легально продавать алкоголь), на бегу отдавал приказы. Он оглянулся на Еву и Рорка.

— Задержитесь. Мне нужна информация.

Каталка с грохотом въехала в смотровой кабинет, где ждали еще несколько медиков.

— На счет три!

По команде они переместили бесчувственную женщину на стол.

— Температура тела девяносто один и четыре!¹ — Чей-то крик перекрыл остальные голоса.

— Я отгоню машину, — прошептал Еве Рорк. — Сейчас вернусь.

«Капельницы, одеяла с подогревом, пальпация, осмотр... *Господи, как же я ненавижу больницы*», — подумала Ева.

— Расскажите, что вам известно, — попросил предположительно доктор, не отрываясь от работы.

С копной вьющихся каштановых волос и красивым лицом, которое слегка портили суточная щетина

¹ Температура указана по шкале Фаренгейта. По Цельсию — 33,0.

и темные тени под яркими голубыми глазами, он выглядел не старше своей нынешней пациентки.

— Выскочила на проезжую часть в Карнеги-Хилл. Брела, как будто сильно перебрала, явно в шоковом состоянии. Спросила у моего мужа, не ангел ли он, и потеряла сознание.

— Температура тела девяносто три и два, повышается.

— Нужно, чтобы вы надели на ее руки пакеты после того, как я сниму отпечатки пальцев, — сказала Ева. — Не вся кровь принадлежит ей.

— Дайте мне сперва спасти ей жизнь.

Ева подвинулась, не сводя глаз с лица женщины.

Юная, очень привлекательная, несмотря на синяки и ссадины. Метиска, явно азиатских и африканских кровей. Миниатюрная, ростом чуть выше пяти футов, и не больше ста десяти фунтов весом. Ногти на руках и ногах покрыты бледно-розовым лаком. Уши проколоты, но сережек нет. Татуировок не видно. Длинные, почти до талии, волосы, спутаны и свалялись.

Ева вышла, запустила сделанное в машине фото в программу по узнаванию лиц. Хотя побои изменили лицо жертвы почти до неузнаваемости, попытаться стоило. Заметив, что к ней приближается Рорк с криминалистическим чемоданчиком в руках, Ева подняла голову.

— Решил, что тебе это понадобится.

— Да, спасибо. Если она не придет в себя к тому времени, как врачи закончат, я возьму отпечатки пальцев для идентификации личности. Скорее всего, она из местных. Руки и тело ухоженные, похоже, деньги у нее есть. Вряд ли она прошла большое расстояние,

значит, живет или работает в районе Карнеги-Хилл, либо была там, когда на нее напали.

Ева оглянулась на двери смотрового кабинета.

— Крови столько, словно она яростно сопротивлялась, но я не заметила характерных повреждений. И под ногтями нет следов крови или кожи, по крайней мере, видимых.

— Полагаешь, она была не одна и пострадал кто-то еще?

— Такая возможность не исключена. Если этой женщине удалось убежать, то...

Она замолчала, когда дверь открылась, и из кабинета вышел доктор.

— Основные жизненные показатели стабилизируются, температура поднялась до нормы. Рана на голове — самая серьезная из травм, а их предостаточно: гематомы и ссадины на лице, многочисленные повреждения в области живота, некоторые похожи на неглубокие порезы ножом. Сотрясение мозга. Ее несколько раз жестоко изнасиловали. Комплект для забора биологических доказательств сейчас принесут. Мы проводим токсикологический анализ, но смазанная речь, скорее всего, следствие переохлаждения и шока.

— Мне нужно срочно снять отпечатки пальцев. Не вся кровь принадлежит ей, — напомнила Ева и продолжила, не дожидаясь возражений: — Вполне вероятно, что кто-то сейчас в таком же состоянии, как она. Если я установлю ее личность, то мы, возможно, спасем еще одну жизнь.

— Извините, не подумал. — Доктор потер глаза. — Двойная смена.

— Понимаю.

— Еще раз простите. Возможно, она бы погибла, если бы вы вовремя не привезли ее в больницу. Без серьезного поражения головного мозга точно не обошлось бы. Доктор Нобл. Дел Нобл.

Ева пожала протянутую руку.

— Даллас. Лейтенант Даллас. А это Рорк.

— Да, я узнал его пару минут назад.

Мужчины обменялись рукопожатием.

— Красивое платье, — заметил Нобл.

— Мы были на приеме.

— Надеюсь, в химчистке уберут следы крови. Давайте займемся идентификацией личности пострадавшей. Наверняка кто-то о ней беспокоится.

Они вместе вошли в кабинет.

— Мне нужны фотографии травм, — сказала Ева.

Она подошла к столу, достала из чемоданчика планшет и аккуратно приложила к нему пальцы женщины.

— Так, Дафна Страцца, двадцать четыре года. Живет примерно в двух кварталах от того места, где мы ее нашли. Замужем за...

Она взглянула на лицо Дела.

— Вы ее знали.

— Лично — нет, но я знаком с ее мужем. В этой больнице все знают Энтони Страццу. Господи! Жена Страццы!..

— Давайте сохраним это в секрете, пока я не... Она приходит в себя!

Длинные темные ресницы дрогнули. Миндалевидные, изумительного нежно-зеленого цвета глаза открылись, глядя перед собой невидящим взором.

Дел отстранил рукой Еву, склонился над Дафной.

– Все в порядке, вы в больнице. Никто не причинит вам вреда.

Взгляд женщины заметался по комнате. Дыхание участилось, стало прерывистым, и доктор взял ее за руку.

– Все в порядке, – повторил он. – Я врач. Вы в безопасности. Сейчас я дам вам обезболивающее.

– Нет, нет, нет!

– Хорошо-хорошо, подождем.

Дел говорил уверенно и спокойно. Хотя на мониторах отражались физиологические показатели, Ева заметила, что он держит пальцы на запястье Дафны, измеряя пульс по старинке.

– Расслабьтесь, дышите медленно, – продолжил доктор. – Можете рассказать, что с вами случилось?

– Я умерла. Я думала, что умерла. – Ее взгляд упал на Еву. – Вы тоже там были?

Ева наклонилась к ней.

– Что вы помните?

– Я... я ушла. Или мир исчез.

– А раньше? Вспомните, что произошло раньше.

– Мы устраивали званый ужин на пятьдесят человек. Банкет начался в восемь, коктейли подавали с половины восьмого. Я была в отделанном жемчугом платье от Диора. Мы ели медальоны из лобстера, салат с обжаренными гребешками, тыквенный суп-пюре, ростбиф, запеченный картофель с розмарином, белую и зеленую спаржу. Потом крокембуш¹ и кофе. Вино...

¹ К р о к е м б у ш – французский десерт, представляющий собой высокий конус из профитролей с начинкой, скрепленных карамелью или специальным сладким соусом, украшенный карамельными нитями, засахаренным миндалем, фруктами, засахаренными цветами.

— Хорошо, а что произошло после ужина?

— Гости ушли в половине двенадцатого. Если бы я спланировала прием более тщательно, они бы ушли в одиннадцать. У мужа утром обход, он много работает. Мой муж — уважаемый хирург, очень талантливый. После того как гости ушли и дроиды все убрали, мы, как обычно, отправились спать. Зашли в спальню, и...

Дыхание Дафны вновь стало прерывистым. На этот раз Ева опередила доктора и сжала ладонь женщины.

— Вы в безопасности, но я должна знать, что произошло, когда вы пошли спать.

— В доме кто-то был, — тихо прошептала Дафна, словно делилась секретом. — Не гость. Нет! Он ждал. Дьявол, это дьявол! У него лицо дьявола! Мой муж... Он упал, и дьявол рассмеялся. Я не знаю, не знаю! Пожалуйста, я ничего не знаю!

Всхлипывая, она попыталась сжаться в комок.

— Хватит, — резко произнес Дел. — Дайте ей прийти в себя.

— Мне нужно проверить у нее под ногтями. Вдруг там остались частицы кожи или кровь того, кто это сделал.

— Тогда поторопитесь.

Осмотр в очках-микроскопах ничего не дал, и Ева, достав инструменты, осторожно сделала соскоб. Ничего.

— Она либо вообще не сопротивлялась, либо преступник не дал ей шанса.

Ева осмотрела следы от веревок на запястьях женщины.

— Немедленно сообщите мне, если она скажет что-нибудь еще. Я вернусь через несколько часов. Ее палата будет под охраной.

Ева и Рорк вышли из больницы.

— Ты приставишь полицейского, чтобы к ней никто не вошел, или чтобы она никуда не ушла?

— Пока не знаю. — Ева на ходу вытащила коммуникатор. — Давай-ка посмотрим, что у нас есть на Энтони Страццу.

«Не совсем то, что они с Рорком планировали», — подумала Ева, всю недолгую дорогу просматривая данные о супругах Страцца.

«А хирург-то на двадцать лет старше жены, — отметила Ева. — Это вторая. С первой он развелся пять лет назад, и теперь та живет в Австралии. Не замужем».

С нынешней они вместе три года. Поженились, когда она была студенткой и подрабатывала организатором мероприятий. Ничего не сказано о том, работает ли она сейчас.

В общем, решила Ева, типичная трофейная жена. Юная, была очень красивая, пока ее не избили. Возможно, отличная хозяйка с маниакальной склонностью все планировать.

Еве вдруг пришло в голову, что, хотя она первая и единственная жена Рорка, возможно, ее тоже считают трофейной женой.

Она посмотрела на мужа, который как раз выруливал на парковку рядом с большим краснокирпичным домом, где жили супруги Страцца.

— А тебе роскошный приз не достался.

— Я люблю призы, — сказал Рорк. — Почему это не достался?

– Сам виноват. Трофей из меня никудышный.

– Вовсе нет. Кроме того, ты не трофей.

Ева вышла из машины, проковыляла в дурацких модельных туфлях к тротуару.

– Это комплимент?

– Это правда. Мне не нужен трофей. – Рорк взял Еву за руку, провел большим пальцем по обручальному кольцу. – Я предпочитаю жену-копа. Ты думаешь о Дафне Страцца и о том, что она намного младше своего мужа?

– Откуда ты знаешь? У тебя не было времени искать информацию.

– Все просто. Страцца – известный хирург, его имя на слуху. Понятно, что он должен быть лет на двадцать старше жены.

– На двадцать шесть. Это вторая жена. Первая – его ровесница. Развелись после двенадцати лет жизни. Она сейчас в Австралии, живет на овечьем ранчо. Довольно далеко от Нью-Йорка с его зваными ужинами в фешенебельных домах Верхнего Ист-Сайда.

Она внимательно оглядела здание. Три этажа старинной элегантности в нью-йоркском стиле. Дом был рассчитан на две семьи, но Страцца превратили его в особняк, сделали один вход парадным и выделили его резными двойными дверями. Высокие узкие окна в рамах из темного дерева зашторили на ночь, и теперь они казались незрячими глазами. Стеклопакетные двери второго этажа выходили на французский балкон с решеткой, украшенной стилизованной буквой «С».

Похожие металлические конструкции высились по бокам трех ступеней, которые вели от тротуара к входу.

Ева обратила внимание на высококласную систему охраны.

– Видеокамера, идентификатор по отпечатку ладони, интерком, дополнительное усиление дверей... Страцца потратился на шикарный вид дома, но не забыл и про надежные замки. У него тут сигнализация с датчиками движения и звука.

– В былые времена я обязательно обратил бы внимание на этот дом. И окружение достойное.

В прошлом Рорк был искусным вором, и воспоминания вызвали у него ностальгическую улыбку.

– Место тихое и спокойное, а в доме наверняка есть чем поживиться: драгоценности, произведения искусства, наличные.

– Сколько времени тебе бы понадобилось, чтобы взломать систему безопасности?

Рорк наклонился, чтобы поближе разглядеть замки. Его волосы развевал ветер.

– Минуты две или три, если хорошо подготовиться. Скорее, две.

И ведь не хвастается, подумала Ева. Просто констатирует факт.

Она позвонила в дверь, ожидая автоматического ответа, однако компьютер молчал.

Ева позвонила еще раз.

– Похоже, сбой системы безопасности. Предупреждающего сигнала нет, система не отвечает, сканирование не производится.

Пока они ждали, Рорк вытащил карманный компьютер, что-то проверил.

– Система не работает, – сообщил он. – Полностью отключена, лейтенант. Дверь не заперта.

– Вот черт!

Она достала из сумочки оружие и жетон, бросила сумочку на крыльцо. Прицепила к пальто жетон, потом диктофон и совершенно не удивилась, когда Рорк вытащил из кобуры на лодыжке небольшой пистолет.

– Не спеши. Запись включена. Лейтенант Ева Даллас и гражданский эксперт-консультант Рорк входят в неохраняемую резиденцию Энтони Страцца после двух безуспешных попыток связаться с владельцем. Есть основания полагать, что Страцца ранен или удерживается насильно. Я предоставила оружие гражданскому лицу.

Ева распахнула дверь, осторожно вошла в холл. Рорк следовал по пятам.

Серебристо-белая, необычной формы люстра освещала тусклым светом пол из светлого мрамора, залитый кровью.

– Мы обнаружили кровь и отпечатки босых ног. Возможно, они принадлежат Дафне Страцца.

Ева жестом велела Рорку двигаться в одну сторону, сама пошла в другую. Они осмотрели первый этаж, проверяя комнату за комнатой и каждый раз сообщая друг другу, что все чисто.

Даже без подсказки Рорка было ясно, что кто-то ушел с добычей: Ева заметила парочку пустых стеновых ниш и остатки званого ужина. Похоже, дроиды их так и не убрали.

Ева и Рорк вместе поднялись на второй этаж и снова разошлись в разные стороны.

Запах почувствовался сразу, едва Ева подошла к распахнутым настежь белым дверям комнаты с балконом.

Запах крови, смерти... и цветов.

Скомканное постельное белье на огромной кровати с золотыми столбиками перемазано кровью, совсем как пол первого этажа. Перевернутый позолоченный стул со сломанной спинкой и окровавленными обрывками клейкой ленты. Раздавленные белые лилии со смятыми, изодранными лепестками на бело-золотом ковре, залитом кровью и водой из опрокинутой хрустальной вазы. Сама ваза перепачкана кровью и чем-то серым. Еще больше крови в изножье кровати, у столбика, а на белизне ковра алеют смазанные кровавые отпечатки ладоней.

И посреди этого кровавого безумства лежал Энтони Страцца, словно распростертый у алтаря грешник. Он не успел раздеться перед сном и был одет в темно-серый костюм и светло-серую рубашку. На запястьях поблескивали пластиковые наручники-стяжки. Ева видела лишь часть профиля, но поняла, что лицо мужчины обезображено до неузнаваемости. Светлые волосы свалились от крови, которая сочилась из глубоких ран на затылке.

— Я нашла тело! — крикнула Ева.

Рорк присоединился к ней, тоже встал в дверях.

— Вор так не поступил бы. К тому же в доме осталось много ценностей, которые легко унести.

— Может, что-то пошло не так, — возразила Ева. — И мы еще не проверили третий этаж.

— Вот и займись этим; того, кто это сделал, давно и след простыл. А я пока принесу твой криминалистический чемоданчик.

Давно и след простыл, мысленно согласилась Ева, но порядок есть порядок. Она проверила верхний этаж, роскошный кабинет Страццы, ванную, медиа-

комнату, оборудованную современно и по-мужски, сверкающую автоматическую кухню, бар с самыми разными напитками, дополнительный компьютерный терминал...

И встроенный в шкафчик сейф с распахнутой дверцей.

Ева пошла вниз, столкнулась на лестнице с Рорком, который поднимался наверх.

— Пустой сейф на третьем этаже. Похоже, не взломан. Думаю, нападавший выбил код из Страццы.

Она бросила взгляд на свои туфли: высокие шпильки и несколько блестящих ремешков. Смирившись с неизбежным, Ева сняла их, намазала герметиком босые ступни, потом ладони, отдала банку с пастой Рорку.

— Я не успела проверить гардеробные и основную ванную. Может, сам посмотришь? Мне нужно провести официальную идентификацию жертвы и вызвать подмогу.

— То есть хочешь ни свет ни заря разбудить Пибоди.

— Для копов рано не бывает. Черт, мне нужна нормальная одежда!

— Я об этом позабочусь.

— Как? — спросила Ева, когда он положил банку с герметиком обратно в чемоданчик.

— Разбужу пораньше Соммерсета.

Ева подумала о дворецком. Вот ведь заноза в заднице!

— Но...

Рорк ждал подобной реакции и сейчас откровенно забавлялся. Потом провел пальцем по обнаженному плечу жены и вошел в спальню.

– Тебе выбирать: работать в удобной одежде или в вечернем платье.

– К черту! Удобная одежда и ботинки. И нормальное пальто. И...

– Соммерсет знает, что прислать. Еще один сейф в гардеробной Страццы. Тоже открыт и пуст.

Ева отшвырнула пальто, прошла по запачканному ковру и присела в своем полупрозрачном серебристо-красном платье с юбкой, сшитой из дюжины узких, летящих клиньев, которые при каждом шаге развевались, словно ленты, оголяя длинные ноги. Бретельки платья, длинные и блестящие, как ремешки на сброшенных туфлях, перекрещивались на обнаженной спине.

Ева прижала пальцы мертвеца к идентификационному планшету.

– Жертва – Энтони Страцца, проживал по этому адресу. Время смерти – один час двадцать шесть минут. Причину смерти установят эксперты-медики, но я провела первичный осмотр и полагаю, что у него перелом костей черепа.

– Похоже на то, – раздался за ее спиной голос Рорка. – В гардеробной жены сейфа нет. Впрочем, сейф в гардеробной Страццы достаточно большой, наверняка там хранились и ее украшения. Я бы взглянул на сейф на третьем этаже.

– Может, вначале просмотришь запись с видеокamer? Скорее всего, преступник наверняка ее стер или испортил, но вдруг повезет? Двери и сигнализацию тоже проверь.

– Как эксперт скажу, что ограбление здесь не главная цель.

— Согласна, скорее, приятное дополнение к убийству и изнасилованию. — Ева полезла за телефоном. — Черт, оставила телефон в блестящей сумочке!

— Нет, он у тебя в чемоданчике. А блестящая сумочка лежит в машине, пустая.

— Да, вот он. Спасибо. Слушай, давай, я попрошу Пибоди захватить с собой Макнаба, этот дом набит электроникой. А ты поезжай домой, поспи немного.

Рорк только поднял брови, и Ева пожалала плечами.

— Ну, нет так нет.

— Нет. И вот еще: наш... э-э-э... незванный гость разгромил комнату безопасности. А когда я осматривал помещение, то заметил трех разбитых дроидов.

— Ему нравится насилие. Над людьми или неодушевленными объектами, не важно. Ладно, посмотри, что там.

— Сделаю, что смогу.

Оставшись одна, Ева посмотрела на труп, подумала о том, что одно человеческое существо может сотворить с другим. И вызвала подмогу.

Глава 2

Дав описание места преступления и обнаруженного тела, Ева перевернула жертву и продолжила:

— Множественные повреждения лица нанесены кулаками и, возможно, чем-то вроде дубинки. Ссадины и неглубокие порезы на горле, такие же, как у второй жертвы. Кляп не использовали. Нападавший привязал Страццу к стулу, надел пластиковые наручники-стяжки. Они до сих пор не сняты.

Она наклонилась, чтобы сфотографировать тонкие полоски пластика поближе.

— Страцца сопротивлялся. На запястьях видны синяки и ссадины, фрагменты стула прилипли к телу и к стяжкам, все перепачкано кровью. На брючинах и рукавах смокинга остатки клейкой ленты. На костяшках пальцев заметны гематомы, возможно, Страцца успел нанести нападавшему парочку ударов.

Ева осмотрела сломанную спинку перевернутого стула.

— Судя по сцене преступления, Страцца высвободился, сломав стул, бросился на обидчика. Тот схватил массивную вазу, оглушил Страццу ударом в висок. Когда Страцца упал, добил его несколькими ударами.

Она взяла несколько образцов крови, запечатала и подписала, попутно размышляя о том, что в момент нападения делала жена Страццы. По-прежнему сидя на корточках, внимательно исследовала кровь на изножье кровати.

— У второй жертвы рана на затылке. Может, она пыталась помочь, и ее оглушили? Женщина упала, ударилась головой, потеряла сознание. У нее сотрясение мозга, и, похоже, она плохо понимала происходящее, а когда пришла в себя, разум просто отключился. Она встала, спустилась по лестнице и вышла из дома. Голая.

Ева шумно выдохнула. В восемь лет ее избili и изнасиловали, и она в таком же полубессознательном состоянии, вся в своей и чужой крови, вышла на улицу, чтобы не оставаться рядом с трупом.

— Мозг отключается, чтобы человек не сошел с ума, — пробормотала Ева.

Она встала, глубоко вздохнула и зажмурила глаза, отгоняя от себя воспоминания. Надо сосредоточиться на том, что здесь произошло.

Званый ужин закончился, хозяева собрались ложиться спать. Интересно, поднялись ли они наверх вместе, болтая о том, кто что сказал? Эдакое обсуждение после матча. Вошли в спальню, устав после светского раута и ощущая иллюзию безопасности.

Ждал ли преступник в спальне? Кто он? Знакомый? Человек из обслуживающего персонала? Поставщик продуктов, слуга, официант? Или тот, кто воспользовался суматохой, незаметно проскользнул в дом и поднялся наверх?

Видно, что он хорошо знал дом.

Каким-то образом обезвредил главную угрозу — Энтони Страццу. Возможно, схватил женщину, приставил нож к горлу. Или вырубил хозяина дома — хорошо подготовился! — потом избил женщину. Вероятно, заставил ее связать мужа и наручниками закрепить его руки на подлокотниках стула. Потом преступник обездвигил женщину: привязал к столбикам кровати.

Нахмурившись, Ева подняла с пола белое платье, осмотрела кружевное нижнее белье.

Нет, он не сорвал и не срезал с женщины трусики и лифчик. Заставил снять их, раздеться перед ним. Чтобы муж все видел. Хотел почувствовать свою власть, наслаждался его беспомощной яростью.

В спальню вошел Рорк, и Ева подняла голову.

— Думаешь, преступник первым делом выпытал коды от сейфов? Чтобы больше к этому не возвращаться? Сказал, я не причину вреда ни тебе, ни ей, мне нужно только твое имущество. Она не знала коды.

– Ты уверена?

– Оба сейфа находятся на его территории. Она явно трофейная жена, и какие бы чувства Страцца к ней ни испытывал, заправлял всем он сам. В доме нет ничего, что говорило бы о ней, о ее вкусах. Весь третий этаж – целиком его владения, а у нее нет ни будуара, ни своего кабинета. Напрашивается вывод, что это его дом, его деньги. Ее сильно избили, но Страцце досталось еще больше. Я имею в виду, перед убийством. Хотя в этом не было необходимости. Преступник наверняка пригрозил: «Если не назовешь коды, я порежу хорошенькое личико твоей жены или изувечу тебя».

Все равно изувечил, подумала Ева, бросив взгляд на труп.

– Большинство людей в подобной ситуации выдали бы коды. Особенно после пары ударов по лицу, либо когда нож приставили к горлу. Или если бы увидели нож у горла близкого человека. В сейфах всего лишь имущество, как правило, застрахованное.

Рорк кивнул.

– То есть ты полагаешь, что убийца вначале решил практические вопросы. Опустошил сейфы, уничтожил дроидов и видеозаписи с камер наблюдения – возможно, удастся что-нибудь из них вытащить. Затем вернулся в спальню, продолжил избиение, изнасиловал женщину.

– Причем неоднократно, по словам доктора. Возможно, изнасиловал ее в самом начале, чтобы показать мужу, что настроен серьезно. Угрожал, что сделает это снова, убьет ее. Заставил ее раздеться.

Она жестом показала на платье.

— На нем есть кровь, возможно, из порезов или из раны, но оно не разорвано. Преступник не стал его срывать или разрезать ножом. Наверное, подошел к связанному мужу, приставил ему нож к горлу. Сказал: «Раздевайся, или я перережу ему глотку». Привязал ее к кровати. Женщина не сопротивлялась, поэтому на ее теле нет характерных ран. Когда насилуют, жертва пусть слабо, но отбивается, царапается. Судя по ссадинам на запястьях и лодыжках, она пыталась высвободиться, по крайней мере, вначале.

Ева осмотрела кровать, попыталась представить, что произошло.

— Вероятно, потом преступник обошел дом, взял какие-то вещи: все, что попало на глаза. Наглый ублюдок. Вернулся, опять изнасиловал женщину. Продолжил избиение, еще раз изнасиловал. Страцца сумел сломать стул, бросился на преступника. У Страццы синяки на костяшках пальцев, кожа не содрана, но, похоже, пару ударов он все-таки нанес. Наверное, женщина потеряла сознание во время изнасилования, и преступник ее развязал, а когда мужчины схватились врукопашную, пришла в себя и попыталась помочь мужу или убежать. Ее ударили, она упала и ударилась головой об изножье кровати, вот здесь, об угол. Снова потеряла сознание. Убийца схватил вазу, ударил Страццу по голове, оглушил. Когда Страцца упал, убийца его прикончил.

Сам Рорк не обратил внимания на изножье: вокруг было слишком много крови, целые лужи, пятна, брызги.

— Только его одного. Почему не убил обоих? — требовательно спросил он.

— Да, странно. Я бы так... — Ева осеклась на полуслове. — Жестокий мерзавец по идее должен был убить. Возможно, это его первое убийство. Очень неаккуратное и явно спонтанное.

Подол роскошного платья Евы был испачкан кровью, когда она выпрямилась и показала на труп.

— Я имею в виду, Страцца посмел напасть на него.

— Какова наглость! — подхватил Рорк.

— Вот именно. Он напал и заслуживает смерти. А женщина? Преступник сделал все, что хотел, и потерял к ней интерес. Потому и не стал добивать. Когда мы ее нашли, с момента убийства Страццы прошло минут сорок. Сперва она лежала без сознания, потом бродила по улице в состоянии шока. У убийцы было достаточно времени, чтобы забрать свои игрушки и пойти домой.

Ева замолчала, уперев руки в бока, оглядела комнату.

— Это первичный анализ места преступления. Две жертвы. Возможно, события происходили в другом порядке, но я все равно считаю, что преступник не планировал убийство, иначе Дафны Страццы не было бы в живых.

— Согласен.

— Или он счел ее мертвой. Увидел, что она в отключке, голова в крови, слегка запаниковал, схватил добычу и был таков.

— В любом случае садист.

— Само собой. Возможно, убил он впервые, но все остальное уже проделывал. Будем искать в этом направлении.

Раздался звонок в дверь, и Рорк повернул голову.

— Пойду посмотрю, что там: твоя одежда или твои коллеги, — сказал он.

— Если это Пибоди, пошли ее сюда, а Макнаб пусть займется электроникой.

Оставшись в одиночестве, Ева еще раз медленно оглядела комнату, расположение мебели, труп, предполагаемое орудие убийства, женское платье и белье на полу. Затем направилась было к гардеробной Страццы, однако услышала на лестнице знакомую тяжелую поступь зимних ботинок Пибоди и короткий восторженный вопль.

Ева поставила орудие убийства на свой рабочий чемоданчик и только закатила глаза, как послышалось не менее восторженное продолжение.

— Туфли! Пресвятые каблуки, туфли на шпильках!

— Заткнись, Пибоди!

Не желая затыкаться, Пибоди восхищенно причмокнула и вошла, держа в руке Евину туфлю так, словно это величайшая ценность.

— Они невообразимо прекрасны!

Пибоди была вся в розовом — розовое пальто, розовые полоски на шапке, розовые ботинки с меховой оторочкой. Даже квадратное лицо порозовело от благоговения.

— Положи чертову туфлю! Это моя одежда?

— Что? Ах да, мы как раз подошли к дому, когда водитель остановился...

Пибоди отвела взгляд от блестящей туфельки, посмотрела на Еву и снова восторженно взвизгнула.

— Платье!

— Заткнись! — повторила Ева, выхватывая из другой руки Пибоди дорожную сумку с одеждой.

— О, да оно великолепно! Сама сексигантность!

— Это всего лишь платье, а такого слова нет.

— Сексуальная элегантность. Оно все такое... Ой, у тебя подол в крови и еще в чем-то. А вот еще кровь... Ничего, в хорошей химчистке все ототрут.

— Непременно. Этим сейчас и займусь. А труп может и подождать.

— Просто...

Пибоди замолкла на полуслове, сосредоточившись на мертвом теле и расталкивая своего внутреннего копа.

— А вот ему уже не придется переживать из-за химчистки. Он же был врачом, да? В этот раз исцелиться самому у него точно не выйдет. Есть новости о его жене?

— Пока нет, позже узнаем. Я предупредила чистильщиков и морг. Время смерти и предполагаемая причина уже известны. Займись этой комнатой, а я пойду в ванную, переоденусь.

Закрывшись в изысканной бело-золотой ванной, Ева сняла платье и сразу же почувствовала облегчение. В сумке нашлось все необходимое. Ева отогнала от себя мысль о том, как Соммерсет выбирает и аккуратно складывает ее исподнее (так и спятить недолго!), натянула белье, потом мягкие шерстяные брюки (слава богу, черные), бледно-серый свитер, кобуру, грубые черные ботинки и черный жакет с едва заметными серыми полосками.

Дворецкий положил в сумку футляры для драгоценностей, и Ева сняла украшения, с трудом разобравшись, что куда класть. Про кобуру на лодыжке он тоже не забыл. Затягивая ремни, Ева мысленно отдала ему должное.

Оставалось надеть пальто, шапку со снежинкой, теперь нежно любимую, шарф с черными, серыми и красными полосами (Еве вполне хватило бы красных) и безумно дорогие перчатки с мехом, которые она постоянно теряла.

Вновь почувствовав себя в своей тарелке, Ева расправила плечи, взглянула в искусно обрамленное зеркало над длинной раковиной.

— Черт!

Она сменила удручающе нарядную одежду, однако лицо все еще было накрашено для бала-маскарада, что явно не подходило порядочному копу.

Схватив сумку, Ева вышла из ванной.

— Пибоди!

— Да, сэр!

Пибоди высунула голову из гардеробной Энтони Страццы.

— У тебя есть с собой косметика? Ну, знаешь, такая штука, которой можно стереть вот это все?

Для наглядности Ева обвела контур лица пальцем.

— Лосьон для лица? Средство для снятия макияжа? С собой нет.

— Черт, черт, черт!

— Ты прекрасно выглядишь.

— Ну да, я же только об этом и думаю.

— Ты по-прежнему невероятно крутая. И цвет помады только подчеркивает твою крутость.

— Ерунда!

По собственному опыту Ева знала, что обычное мыло и вода просто размажут макияж, сделав лицо похожим на огромный синяк, и потому решила оставить все как есть.

Она хотела было запихнуть туфли в сумку, но Пибоди коршуном кинулась к ней.

— Их нельзя бросать как попало! У тебя разве нет пыльников для обуви? Я лучше сама их уложу! Дай сюда! Похоже, у доктора Страццы было обсессивно-компульсивное расстройство.

— С чего ты взяла?

— Взгляни на его гардеробную. Там идеальный порядок. Одних белых рубашек штук шестьдесят, причем абсолютно одинаковых. Белые рубашки, черные, коричневых меньше. Черные брюки, черные костюмы, серые костюмы. Никаких ярких цветов. Все в безукоризненном состоянии, — продолжила Пибоди, укладывая туфли сперва в специальные мешочки, а потом в сумку. — Одежда аккуратно развешана. В шкафу есть повседневная и спортивная одежда, при ее выборе доктор снизошел до темно-синего цвета. Абсолютно все вещи тщательно сложены и лежат на своих местах, даже белье и носки. Ах да, манжеты всех рубашек, даже повседневных, украшены его монограммой. Две пары белых кроссовок, две пары точно таких же черных, и те, и другие новые. Все остальное — строгие классические туфли черного цвета. Около пятидесяти пар. Каждая вещь занесена в компьютер, причем там указано не только когда ее надевали в последний раз, но и место и дата покупки. Всей одежде и обуви не больше года.

— Значит, он был привередой.

— Не то слово!

— Проверь другую гардеробную.

Сама Ева подошла к прикроватной тумбочке, выдвинула ящик. Достала планшет, провела пальцем по

экрану. Убедившись, что планшет заблокирован, прицепила к нему ярлычок и уложила в пакет для Макнаба и электронного отдела. Затем кинула в пакеты для сбора улик два пузырька: один с рецептурным снотворным, второй — с препаратом для повышения потенции, белую шелковую повязку на глаза и длинный белый шнур из шелка.

Размышляя над находками, Ева обошла кровать и открыла ящик другой тумбочки. Еще один планшет, который включился без пароля. На планшете обнаружилось несколько книг о том, как принимать и развлекать гостей, варианты меню.

Пибоди вошла в спальню, когда Ева нюхала изящный флакончик с золотой лилией на крышке.

— Духи. На ее планшете только домоводческая ерунда. Ни тебе личной информации, ни фотографий, ни музыки. Ничего.

— Их гардеробные очень похожи, только у нее женская версия. И почти в таком же идеальном порядке. Вся одежда белая, лишь кое-где серебряный или золотой рисунок, но исключительно на белом фоне. Нижнее белье самых разных фасонов, от девичье-невинного до вызывающе эротического, как у шлюхи. Ночные рубашки и пижамы в том же стиле.

— Интересно. И никаких секс-игрушек. Хотя он принимал таблетки для стояка... — Ева обошла комнату и продолжила: — Может, это какая-то разновидность БДСМ? Белая с золотом спальня, совсем как церковь или храм. Впрочем...

К тому времени, как Ева закончила осматривать ванную — масло для ванны и куча гигиенических

средств с тем же запахом, что и духи, — команда из морга и чистильщики уже приступили к работе.

Ева повертела в руках тюбик с гелем для снятия макияжа и, поборов искушение, поставила на место.

— Лилии и белый цвет. Лилейно-белый. Возможно, Страцца требовал от жены непорочности или хотел, чтобы она изображала невинность. Этот образ разбился вдребезги, когда ее изнасиловали.

— Думаешь, убийца знал кого-то из них или обоих?

— Он знал достаточно, чтобы незаметно проникнуть в спальню, — ответила Ева, когда они с Пибоди выходили из комнаты. — Дафна Страцца сказала, что они с мужем поднялись наверх после приема, а убийца уже их ждал. Говорит, что это был дьявол. Она все еще в шоковом состоянии, но выразилась именно так.

— Маска?

— Думаю, да. Нам нужно узнать имена всех, кто обслуживал банкет, но не входит в штат постоянной прислуги. Лакеи, бармены, официанты, оформители, помощники по хозяйству. Некоторые есть в планшете Дафны, список гостей тоже там.

— Удобно.

— Очень, учитывая, что, насколько я знаю, все слуги в доме — дроиды, и злоумышленник вывел их из строя.

— Ближайшие родственники?

— Родители Страццы разведены. Мать во Франции, бывший физик, сейчас на пенсии, замужем. Отец — невролог, заведует отделением в швейцарской частной клинике. Родители Дафны погибли в цунами, когда вся ее семья отдыхала в Азии. Дафне тогда было девять лет. Ее вырастили Гейл и Барри де Сильва, кото-

рые стали опекунами девочки по завещанию родителей. Де Сильва живут в Миннесоте, родители Дафны раньше тоже там жили. Глубже я не рыла и никому ничего не сообщала.

Они стояли у двери в кабинет Страццы и заглядывали вовнутрь.

— Я могу заняться списком гостей и прислуги.

— Давай, и поговори с нашими электронщиками, они явно здесь побывали и забрали настольный компьютер Страццы и коммутатор. А я пока осмотрюсь. — Ева сверилась с наручным коммуникатором. — В ближайшее время я свяжусь с родителями Страццы. Нужно еще раз поговорить с Дафной и узнать, хочет ли она, чтобы мы связались с ее опекунами.

— У нее должна быть подруга, — заметила Пибоди. — Возможно, ее имя найдется в списке гостей. У всех женщин есть подруги.

Ева согласно кивнула, входя в кабинет, хотя знала, что это не так. Двадцать лет она прекрасно обходилась без подруг, пока не появилась Мэвис Фристоун.

Беглый осмотр кабинета еще больше убедил Еву, что Пибоди не ошиблась, диагностировав у Страццы ОКР. Комната была в идеальном порядке. Все двери и ящики запирались на замок. Рорк или Макнаб — возможно, оба — уже вскрыли замки и взломали коды, поэтому Ева уселась в изготовленное на заказ кожаное кресло Страццы и принялась осматривать его письменный стол.

В кабинет вошел Макнаб, обутый в клетчатые сапоги на воздушной подошве; его длинные светлые волосы были собраны в хвост, уши украшали многочисленные сверкающие сережки. Он наря-

дился в свитер с безумно кружащимся Элвисом на груди и мешковатые ярко-голубые штаны с полудюжиной изумрудно-зеленых и красно-рубиновых карманов.

— Привет, Даллас, ты сегодня ранняя пташка. Хотел сказать, что мы с командой заберем сломанных дроидов. Тут есть еще и обычные домашние роботы. Попробуем что-нибудь сделать, но на многое не рассчитывай. Сейчас собираем все коммуникаторы, компьютеры и планшеты. Пибоди говорит, что у тебя оба планшета из их спальни.

— На планшете Страццы стоит пароль, на планшете его жены — нет.

— Сходится с тем, что мы обнаружили. Его письменный стол сделан на заказ, ящички открываются при помощи отпечатка пальца. Даже на подсобке кодовый замок. И на сортире. — Макнаб ткнул пальцем в сторону туалета. — Какой дурак ставит защитный код на дверь сортира в своем кабинете?

— Покойный Страцца, как видишь. — Она посмотрела на Макнаба, поморщилась. — Может, отключишь эту штуковину?

Он огляделся с озадаченным лицом.

— Какую еще штуковину?

— Ту, что на твоей костлявой груди. Мешает сосредоточиться.

Макнаб опустил взгляд на Элвиса, ухмыльнулся.

— Ах да, конечно. Забыл.

Он ткнул пальцем в живот Элвиса, тот замер на половине оборота, а Макнаб продолжил:

— Короче, мы заглянули во все три сейфа, включая тот, что в шкафчике на верхнем этаже. Везде пусто,

дверцы открыты при помощи кодов. Похоже, одна из жертв сообщила их злоумышленнику.

— Сам Страцца, вряд ли они были известны его жене.

— Скорее всего. Убийца, он же грабитель и насильник, не стал брать электронику, хотя в доме полно высококлассной техники, которую легко унести. Рорк говорит, что заметил места, где, скорее всего, находились произведения искусства.

— Проверим через страховую компанию. Произведения искусства, ювелирные изделия, наличные, которые, вероятно, хранились в сейфах. Паспорта и удостоверения личности, кредитная и банковская информация. Весьма полезные сведения, если знаешь, что с ними делать. Кстати, я пока не нашла паспорта и удостоверения личности.

— Проверим, есть ли финансовая информация в компьютерах. Можно еще попытаться вытащить что-нибудь из системы безопасности и дроидов... Тот, кто их взломал, знал, что делал. Жесткий диск тоже забрал.

— Разбирайтесь с машинами, а я займусь людьми.

Ева встала.

— Постараемся. Эй, классно выглядишь!

Ева прищурилась.

— Что ты сказал?

— Ничего личного. — Макнаб застыл на месте. — Просто констатация факта, лейтенант.

— Она и правда отлично выглядит! — весело произнес Рорк, подходя к Макнабу сзади и хлопая его по плечу. — Особенно если учесть, что она уже сутки не спит. Перевозка из морга забрала труп, и, так как

уже рассвело, полицейским пришлось оцепить дом, чтобы не мешали зеваки.

— Хорошо. — Ева уставилась на Макнаба. — Вам нечем заняться, детектив?

— Всегда есть чем, — пробормотал Макнаб и исчез. Рорк вошел, положил руки на Евины бедра.

— Ты очень красивая.

— Надо снять макияж. — Ева похлопала себя по щеке.

— Потерпи еще несколько часов. — Он поцеловал щеку, по которой она хлопала, затем другую. — Съезжу домой переодеться, заодно отвезу твою одежду. Твоя машина перед домом.

— Спасибо. Думаю, он доминировал.

— Ты сейчас о взаимоотношениях Страццы с женой?

— Да. Все его устройства запаролены, а ее — нет. Его территория защищена, даже туалет в кабинете. На ее территорию доступ открыт. Ее гардеробная почти точная копия его гардеробной. Думаю, он сам выбирал ей одежду. Знаю, ты тоже подбираешь для меня наряды, — торопливо добавила она, — но мне нравится. Удобно. И даже если я нахожу у себя в моде сексуальное белье, то не выгляжу в нем дешевой шлюхой.

— А вот теперь я подумываю о бельевых магазинчиках в квартале красных фонарей.

— Ты заботишься обо мне. Например, я бы в жизни не купила такие ботинки, но они прочные, удобные, в них можно много ходить и преследовать плохих парней. Ты не заставляешь меня носить только то, что нравится тебе. В этом-то и разница.

— Надеюсь.

— Я терпеть не могу ходить по магазинам, а тебя это почему-то забавляет. У нее не было своей территории в доме. Личного пространства.

— Я заметил.

— А вот ты устроил местечко для меня. Здесь же все по-другому. В распоряжении Страццы был третий этаж, нечто вроде мужской берлоги. У Дафны же нет ничего, что отражало бы ее личность. Возможно, ее это устраивало, или ей нравилось подчиняться. Некоторым нравится. Но...

Ева отвернулась, обошла комнату.

— Но ты считаешь, что это не так.

— Я пока ничего не считаю. По содержанию ее планшета можно подумать, что она из обслуживающего персонала. Списки, домашняя рутина, меню. Ни фотографий, ни посланий друзьям или от друзей. Она потеряла родителей, когда ей было девять, но ни в доме, ни в планшете нет ни единого напоминания о них или о людях, которые ее воспитали. У опекунов есть дочь ее возраста. Интересно, они с Дафной дружили или враждовали?

— Как это связано с нападением или убийством?

— Пока не знаю. — Ева оперлась на стол. — У него в тумбочке лежали пилюли для повышения потенции, что неудивительно для человека, который в два раза старше жены. А еще шелковая повязка на глаза и шнур для связывания.

— Некоторые пары практикуют эротический бандаж, тоже ничего удивительного.

— Ну да, если по согласию, — подтвердила Ева. — У Страццы в ванной отличная аптечка, что опять же неудивительно для врача. И неудивительно, что он

хранил ее в санитарной сумке. Навороченная такая штукавина с его инициалами и замком, на который я потратила почти десять минут.

— Целых десять минут? — Рорк покачал головой. — Нужно больше тренироваться, лейтенант.

— Там полно всякой всячины: флакончики, пилюли, шприцы. Я все отправлю на анализ, чтобы ничего не упустить. Еще мне нужны адвокат и страховая компания Страццы. Надеюсь, парни из отдела электроники вытащат из компьютеров эту информацию и помогут сберечь время и силы.

— Вытащат, будь спокойна.

— Хорошо, а пока здесь работают чистильщики, я займусь списком гостей, выясню, что там был за прием и кто его обслуживал. Посмотрю, можно ли еще вытянуть что-нибудь из Дафны, и... так далее. Прости, что с тихим воскресеньем дома ничего не вышло.

— Мы не виноваты, что под нашу машину едва не попала голая израненная женщина.

— Да, но только один из нас коп.

— И слава богу! — Рорк с воодушевлением поцеловал Еву. — Твой транспорт на улице, у меня свой. Может, позже заскочу в отдел электроники.

— Ты так же повернут на компьютерах, как на магазинах.

— Ну да. И что с того? — Он погладил пальцем ямочку на ее подбородке. — Береги моего копа.

Когда Рорк ушел, Ева села за стол и принялась за работу: кое-что записала, выяснила, как себя чувствует Дафна Страцца. Та мирно спала под воздействием снотворного. Посетителей к ней не пускали.

Ева открыла список гостей, который раньше скопировала на свой портативный компьютер, запустила проверку по первым шести. И пошла к Пибоди, которая обыскивала берлогу Страццы.

— Еще один укромный уголок доктора, — объявила Пибоди.

— Догадливая! Что же ты нашла?

— Тут тоже безукоризненная расстановка, поэтому любой беспорядок сразу же бросается в глаза. И похоже, кое-что пропало. У доктора много наград и фотографий, вернее, его фотографий с важными шишками. Здесь на подставке явно стояла какая-то безделушка, и на полках есть пустые места. Видишь, как точно расставлены все предметы? Примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Кроме вон той стеклянной таблички и этой свадебной фотографии в рамочке.

— Поняла, между ними что-то было, и между этими уродливыми кубками тоже.

— Ага, и это привлекло внимание убийцы. Его не заинтересовала, скажем, эта вещица: шелковый батик ручной работы, хотя он наверняка стоит не одну тысячу. А вот эта лампа? На ней клеймо Террецио. Ее цена около десяти штук.

— За лампу? — Ошарашенная Ева уставилась на треугольную золотую подставку и треугольный золотой абажур с белыми и золотыми стеклянными панелями. — Ты серьезно?

— Вполне. На прошлой неделе мы с Мэвис и Надин были на шикарном аукционе, и Надин купила похожую лампу. Отдала восемь с половиной тысяч, и, на мой взгляд, та лампа...

Ева еще не успела оправиться от предыдущего потрясения и замахала рукой.

— погоди! Надин что, купила лампу за восемь с половиной штук?

— Ну да, ей же надо обставить свою новую большую квартиру.

— Как так случилось, что вы мои подруги? Как это вообще возможно?

— Ее лампа просто шикарная, не то что эта безвкусица. В любом случае было весело все рассматривать, и я многого там нахваталась, не в буквальном смысле, конечно. Руками я ничего не трогала, боялась. Я просто хочу сказать, что здесь полно ценных вещей, которые легко унести. Очень странное ограбление, после которого остались ценности на десятки тысяч долларов и труп.

— Возможно, грабителю нужно было что-то конкретное. Обычно берут ювелирные украшения или электронику. Сколько в мире людей могут с первого взгляда на лампу определить, что она стоит десять штук? Но ты права, ограбление действительно странное, если только планировалось именно оно.

Ева бросила взгляд на пустое место на полке и нахмурилась.

— Он прихватил то, что ему понравилось, и очистил сейфы. Может, это и странно, а может, у него просто такой почерк. А сейчас пошли отсюда, пусть чистильщики займутся своим делом. В списке гостей вчерашнего приема есть заведующая хирургическим отделением больницы святого Андрея и ее муж. Начнем с них, а потом сразу поедem в больницу.

Пибоди взяла свое пальто, намотала на шею длинный шарф.

— Ты сообщила родственникам?

— Да, родителям Страццы. — Ева натянула шапочку со снежинкой. — Оба потрясены. Были слезы и много вопросов. А еще меня поразила эмоциональная дистанция между членами этой семьи.

Первый же порыв ледяного ветра едва не сбил ее с ног; Ева и забыла, какой на улице мороз. Она торопливо добежала до машины, предусмотрительно припаркованной у обочины.

— Я спросила, когда они в последний раз виделись или разговаривали с Энтони.

Ева забралась в машину, включила печку и подогрел сидений.

— Кофе, — сказала она Пибоди. — Сделай нам кофе.

— Меня дважды просить не надо.

Пибоди мгновенно запрограммировала встроенный автошеф на два кофе: один черный, другой с молоком.

— Отец сказал, что встречался с сыном три года назад, когда приезжал в Нью-Йорк на медицинскую конференцию.

— Давненько же они не виделись.

— Именно, а после того, как я слегка поднажала, отец признался, что они только пообедали вместе. У Страццы-младшего были какие-то дела. А мамаша, по ее словам, не видела сына лет пять.

— Но... когда Страцца женился?

— Три года назад. Родителей на свадьбу не пригласили. И никто из них не знаком со второй женой сына. Опять же после небольшого нажима мать при-

зналась, что спрашивала Энтони, может, ей приехать ненадолго в Нью-Йорк, пригласить новоиспеченную невестку на обед, и все такое, но нет. Он был слишком занят.

— Жестко.

— Возможно, они были дерьмовыми родителями. Может, кто-то из них или оба сразу издевались над ним или пренебрегали своими обязанностями. Или он был дерьмовым сыном. Трудно сказать. Так или иначе они оба бросают все дела и срочно вылетают в Нью-Йорк, чтобы увидеть останки своего отпрыска и встретиться с его вдовой. В общем, пока я склоняюсь к мнению, что это он был никудышным сыном, и у меня нет оснований думать иначе.

— Печально. Сейчас я вижу со своими родными только пару раз в год, но мы разговариваем каждую неделю. То же самое и у Макнаба.

— Короче, Страцца был дерьмовым сыном и дерьмовым мужем. Могу поспорить, что и с другими людьми он тоже вел себя как дерьмо.

Пибоди обхватила руками стаканчик с кофе.

— Тогда ограбление — это просто обманка. Кто-то хотел его убить. — В подтверждение своей догадки Пибоди кивнула головой. — Но зачем убивать и насиловать его жену?

— Чтобы помучить Страццу, или, возможно, его жену. Либо убийце просто нравится избивать и насиловать женщин.

Ева порадовалась, что движение не слишком оживленное и можно насладиться кофе по дороге к кондоминиуму, где жили доктор Люси Лейк и доктор Джон О'Коннор. Проехав несколько кварталов, Ева одним

глотком допила остатки кофе, когда сворачивала к бордюру перед отремонтированным зданием. Она решила, что хорошая порция кофеина будет приятным дополнением к возможности щелкнуть по носу швейцара в темно-зеленой ливрее.

— Не обольщайся, — заметила Пибоди, почувствовав ее настроение. — Я проверила. Это собственность Рорка.

Слегка разочарованная, Ева потянулась было к дверной ручке, но портье услужливо распахнул дверь.

— лейтенант Даллас, чем могу служить?

Ева напомнила себе, что покладистый швейцар помогает сэкономить время, даже если удовольствие от общения теряется.

— Нам нужно поговорить с докторами О'Коннором и Лейк.

— Не стойте на морозе, заходите. Я сейчас им позвоню.

Глава 3

Покладистому швейцару потребовалась пара минут, чтобы связаться с нужной квартирой и вернуться с ответом.

— Квартира номер тысяча восемьсот, — сообщил он, сопровождая Еву и Пибоди к лифту. — Вас ждут.

Швейцар был так чертовски услужлив, что Ева решила присмотреться к нему поближе.

— А что вы думаете о Лейк и О'Конноре?

Он поскреб затылок, выбирая между долгом и этикой.

— Ну, они живут здесь лет десять. А я работаю здесь двенадцать. У врачей ненормированный рабочий день, так что они то задерживаются допоздна, то уходят рано утром. Но почти всегда находят время, чтобы перекинуться со мной словечком. У них двое взрослых детей и парочка внуков, которые часто их навещают. С этими жильцами никогда не было хлопот. Более того, несколько лет назад, когда мой мальчик упал с аэроскейта, ударился головой и угодил в больницу, они оба его навещали. Это о чем-то говорит.

— Хорошо. Вы работали, когда они вернулись прошлой ночью?

— Я заступил на дежурство в шесть. С полуночи и до шести у нас дежурит дроид Дениза. Она в кладовой, если вы захотите ее активировать. Или я могу связаться с Питом, он сейчас дома после вечерней смены.

— Пока не надо. Спасибо.

Они поднялись на восемнадцатый этаж в благоговенно бесшумном лифте с плавным ходом.

— Вполне в стиле Рорка, — прокомментировала Пибоди. — Я имею в виду здание: старинная элегантность с современной рациональностью. А когда люди выкраивают время, чтобы навестить ребенка швейцара, это действительно о чем-то говорит.

— Возможно. Посмотрим, что они сами скажут.

На восемнадцатом этаже было так же тихо, как в лифте. В воздухе пахло чем-то травянистым, похоже, розмарином. Тысяча восьмисотая квартира занимала западный угол. Ева нажала на кнопку звонка, и почти сразу двухстворчатые двери распахнулись.

Женщина, которая встретила Еву и Пибоди, словно состояла из шаров: круглое тело, круглое лицо и даже белокурые волосы собраны на макушке в шар. На женщине были ярко-голубые брюки, а из-под накрахмаленного белого фартука виднелась блузка с крупным рисунком.

— Лейтенант, детектив, проходите! Мой муж сейчас на работе. Сержант Том Клэттери из сто третьего участка. Двадцать два года службы. Вот он удивится, когда я расскажу, кто заглянул к нам ни свет ни заря! Присаживайтесь!

Не переставая весело болтать, экономка проводила их в комнату, довольно уютную благодаря узкому электрическому камину, встроенному в дальнюю стену.

— Хотите кофе? У меня свеженький — доктора как раз заканчивают завтрак. Не знаю ни одного копа, который отказался бы от кофе.

— Не будем нарушать традицию, — так же весело ответила Пибоди. — Черный для лейтенанта, а мне с молоком.

— Я мигом. Вы пока устраивайтесь поудобнее. Доктора сейчас придут.

Она удалилась, жизнерадостный колобок в крепких черных башмаках.

— Миленько, — заметила Пибоди. — Громадная квартира для парочки врачей в шикарном здании, но по-домашнему уютная.

Она погладила одну из многочисленных подушек, разбросанных по диванам и стульям.

— Кто-то здесь вышивает, и весьма неплохо.

Ева мысленно признала, что мягко пружинящий под задницей диван вполне подходит под определе-

ние «домашний уют». Фотографии в рамочках — дети разного возраста, снимки праздничных событий или из отпуска — тоже ему соответствовали, но наметанный глаз Евы сразу заметил и ценные картины на стенах, и благородное поблескивание предметов искусства, расставленных с большим вкусом.

Ну да, по-домашнему уютно, но и без приличных доходов тоже не обошлось, решила Ева.

Супруги вошли вместе. Женщина была высокой и стройной, темные, коротко подстриженные волосы обрамляли резко очерченное лицо с глубоко посаженными серо-зелеными глазами. Безупречная кожа казалась чуть темнее цвета кофе с молоком, столь любимого Пибоди. По официальным данным, доктору Люси Лейк исполнилось шестьдесят три года, и она носила свой возраст с тем же шиком, что и приталенный костюм синевато-стального цвета. Мужчина был выше и стройнее, с черными густыми бровями над пронизательными голубыми глазами. Темные волосы на висках посеребрила седина, и такие же серебристые нити виднелись в узкой эспаньолке. Дымчато-серый тон его костюма гармонировал с нарядом жены. И внешний вид, и язык телодвижений говорили о близких отношениях и сплоченности супругов. Прежде чем шагнуть вперед, Лейк положила руку на плечо мужа.

— Лейтенант, детектив, здравствуйте. Элис вас узнала, вы расследуете убийства. Это ведь не связано с нашими детьми?

Ева не успела ответить, как заговорил О'Коннор:

— Насколько нам известно, у них все хорошо. А кому не повезло?

— Энтони Страцце.

Лейк опустила на стул, шумно выдохнув.

— Мы же вчера вечером с ним виделись! На званом ужине у него дома. Впрочем, вы это уже знаете... — Она глубоко выдохнула, снова вдохнула. — Мы ушли около одиннадцати, да, Джонни?

— Да, примерно в одиннадцать. — О'Коннор сел рядом с женой. — Вообще-то, мы ушли самыми первыми. У меня сегодня утром обход, а у Люси ранняя встреча.

— Может, перенести? — спросила Лейк.

— Думаю, мы вас долго не задержим, — ответила Ева.

— Я...

Она замолчала, когда Элис вкатила сервировочную тележку с кофе.

— Элис, позвоните, пожалуйста, в мой офис. Пусть Карл перенесет утреннюю встречу на час.

— Конечно, не беспокойтесь. Вот ваш черный кофе, лейтенант. А вот ваш, детектив. Сейчас дам вам по второй чашке, — сказала экономка супругам, наливая и подавая кофе. — Я буду на кухне, если вдруг понадобится.

С этими словами она вышла из комнаты.

— Если бы что-то произошло сразу после того, как мы ушли... — Лейк бросила взгляд на мужа, — нам бы наверняка сообщили. Если бы что-то случилось с Энтони во время ужина.

— Его убили уже после приема.

— Я не понимаю, как... О господи, Дафна! Его жена. — Держась за сердце, Люси привстала со стула. — Ее тоже убили?

— Она в больнице. В вашей больнице.

— Как она себя чувствует? — требовательно спросил О'Коннор, доставая из кармана коммуникатор.

— Пока не звоните. Я недавно узнавала. Состояние Дафны стабильное, она под воздействием успокоительных.

— Кто ее врач?

— Доктор Делрой Нобл.

С лица О'Коннора исчезло напряжение, и Люси погладила мужа по бедру.

— Дафна в хороших руках, — заметила она. — Не могли бы вы сказать, что с ней? Ради Энтони мы делаем все, что только можно.

— Вам нужно уточнить медицинские подробности у Нобла, я могу лишь сказать, что она подверглась физическому и сексуальному насилию.

— Изнасилована.

Ни один мускул не дрогнул на лице Люси, только взгляд стал жестче. Ева подумала, что, раз супруги все равно узнают детали происшествия, можно ничего не скрывать.

— В начале третьего ночи миссис Страцца в состоянии шока обнаружили неподалеку от ее дома, обнаженную и с многочисленными травмами. Еще она пострадала от переохлаждения. Я поговорила с миссис Страцца, после того, как доктор Нобл оказал ей медицинскую помощь. Дафна плохо помнит происшедшее, тем не менее сообщила, что, когда они с мужем проводили последних гостей и поднялись в спальню, там их ждал преступник. Доктора Страццу связали, а ее саму избили и несколько раз изнасиловали.

— Она видела, кто это сделал?

О'Коннор накрыл ладонью руку жены.

— Миссис Страцца не смогла назвать преступника или описать его внешность, и, учитывая ее душевное состояние, я не стала настаивать. Во время нападения доктора Страццу убили, а его жену оглушили ударом по голове. Вы можете подтвердить время вашего возвращения домой, а также где вы находились с половины двенадцатого и до двух часов ночи? Я вынуждена спросить, чтобы исключить вас из списка подозреваемых.

— Мы ушли около одиннадцати. — О'Коннор потер висок. — Добрались домой еще до половины двенадцатого, думаю, где-то в одиннадцать десять или в четверть двенадцатого. Мы же практически соседи. Записи с камер наблюдения могут подтвердить время нашего возвращения, а также то, что мы больше никуда не выходили.

— Я могу проверить камеры? — поинтересовалась Пибоди. — Чтобы покончить с этим вопросом?

— Да, конечно. Элис вам покажет. — Лейк махнула рукой в сторону кухни, а после того, как Пибоди ушла, спросила: — Незаконное вторжение? Их дом очень хорошо охранялся!

— Мы сейчас разбираемся. В каких отношениях вы состояли с Энтони Страццей?

— Мы были коллегами. Он мой подчиненный.

— Вы близко общались?

— Да, это одна из составляющих руководящей работы. Энтони считался прекрасным хирургом-ортопедом. Его таланта нам будет очень не хватать.

— Только лишь таланта?

— У меня не возникало претензий к Энтони. — Лейк говорила, тщательно подбирая слова. — Я уважала его профессиональное мастерство.

— Страцца был непростым человеком, — вмешался О'Коннор. — И это не секрет. С хирургами часто так бывает.

Он сжал ладонь жены и продолжил:

— Страццу уважали и восхищались его работой, но не любили.

— Были ли те, кто его особенно невзлюбил?

— Так сильно, чтобы убить? — Лейк покачала головой. — Я бы назвала десяток людей, которые могли бы с ним поругаться, даже ударить в сердцах, но чтобы проникнуть к нему в дом и убить? Напасть на его жену? Вряд ли.

Она откинулась на спинку стула, еще раз покачала головой.

— Нет. И людям обычно нравилась Дафна. Можно было бы ее презирать: юная красотка, трофейная жена, погналась за деньгами и статусом... нет, она совсем не подходит под это описание. Она очень милая, добрая, и в ней нет ни грамма спеси. Поначалу она работала волонтером в детском отделении больницы, приходила раз в неделю, затем, через несколько месяцев, Энтони сказал, что ей слишком тяжело.

— Это правда?

— Кто знает? Дафна всегда была очень спокойной, помнила имена всех детей в отделении. А еще устраивала прекрасные приемы и посещала все мероприятия, порой очень скучные, как того требовал долг супруги доктора. Мы не очень хорошо ее знали, но мне она нравилась.

— Мне тоже, — подтвердил О'Коннор. — Милая девочка. И, думаю, забитая.

— Джон!

— Люси! — отозвался он таким же сердитым тоном. — Вы спросили, были ли те, кто особенно невзлюбил Страццу. Да, были. Например, я. Терпеть его не мог. Холодный заносчивый эгоист. Кто-то скажет, что перфекционизм — замечательное качество для хирурга, но я считаю его чересчур заносчивым и требовательным. Это большая разница.

— Согласна. Спасибо за откровенность. У доктора Страццы были размолвки с коллегами, персоналом или пациентами?

— Размолвки случались, однако конфликтов не было, — твердо заявила Лейк. — Мы каждый день работаем в состоянии эмоционального напряжения, находимся между жизнью и смертью. Конечно, бывают размолвки, недопонимание. Я улаживала все официальные и неофициальные жалобы на поведение Энтони, его обращение с другими докторами, интернами, медсестрами, санитарями. То же самое я делаю и для других врачей нашей больницы.

Ева зашла с другой стороны:

— Вы говорите, что Дафну в основном любили. Может, кто-то неправильно расценил ее доброту и захотел большего?

— Любовная интрижка? — Лейк удивленно подняла брови. — Исключено. Поверьте, в больнице сплетни распространяются со скоростью света. Мне бы сказали.

— Давайте вернемся к приему у Страццы. Не было ли там ссоры или, может, неловкой ситуации?

— Нет, вечер прошел прекрасно.

— А какая компания обслуживала банкет?

Лейк нахмурилась.

— Мм... думаю, «У Джако». В прошлом году я спрашивала у Дафны, чьими услугами она пользуется, потому что у той компании, которую мы приглашали раньше, поменялось руководство, и они стали хуже. Да, точно «У Джако», я узнала парочку официантов, мы тоже несколько раз к ним обращались.

Вернулась Пибоди. Ева уловила сигнал и завершила разговор.

— Спасибо за то, что уделили нам время, — сказала она, поднимаясь на ноги. — Если еще что-нибудь вспомните, позвоните мне.

Лейк тоже встала.

— Пожалуйста, дайте знать, когда можно будет заняться похоронами Энтони. Дафне понадобится помощь. Хотя мы и не дружили, я была его начальником.

— Скоро должны приехать его родители, так что...

— Родители? — Лейк сдвинула брови. — Мне казалось, они вычеркнули его из своей жизни. Не хотят иметь с ним ничего общего.

— У меня возникло другое впечатление, когда я общалась им о смерти Энтони. С чего вы взяли?

— Я... Мне сказал Энтони. Говорил, что отказался потакать их капризам, и они перестали с ним разговаривать.

Интересно, подумала Ева.

— А как насчет его бывшей жены?

— Я ее плохо знала. Она была очень замкнутой и, я бы сказала, нервной. Она... по словам Энтони, она пыталась очистить его счета, и у нее было слишком много любовников. Думаю, она сбежала в Европу. Конечно, у меня нет доказательств, — торопливо добавила Лейк. — Я не вмешиваюсь в личную жизнь пер-

сонала. Дело в том, что Энтони сам откровенничал о своем разводе, ему даже пришлось взять месячный отпуск, чтобы все уладить. Впрочем, вам это вряд ли интересно.

— Любая информация может пригодиться, спасибо еще раз.

Пибоди подождала, пока они с Евой не сядут в машину.

— Они вернулись домой в половине двенадцатого. Заперли все замки. До семи утра никто не входил и не выходил, а ровно в семь пришла Элис. Между прочим, она их обожает, я узнала. Работает у них почти тридцать лет, уже как член семьи. А вот Страцца ей не нравился. Не то чтобы она его хорошо знала, но он бывал здесь на приемах, как и многие другие. С прислугой болтать не любил. Не похожи они на подозреваемых.

— Я тоже не могу представить, как О'Коннор тайком выскальзывает из дома, проникает в дом Страццы, избивает его жену... Он явно ей симпатизировал, по-отечески. Вряд ли он убил Страццу, а потом обошел дом и собрал ценные вещи... Зато благодаря нашему разговору я отчетливее вижу всю картину. Давай-ка сперва заедем в больницу. Держу пари, наши два доктора поспешат за нами.

— Какую еще картину?

— Страцца был той еще сволочью, его уважали, но не любили. А еще, похоже, он очень много лгал. Утверждал, что родители от него отказались, чему я совершенно не верю. И тому, что его бывшая жена меняла любовников, тоже. С таким мужем, как Страцца? Он и одного не стал бы терпеть. Нам нужно поговорить с бывшей женой и родителями Страццы.

— Ненавижу, когда жертва оказывается мерзавцем.

— Да... Скорее всего, прием обслуживала компания «У Джако». Уточни и достань список всех, кто работал на банкете.

— Хорошо.

Пибоди достала коммуникатор, а Ева направилась в больницу. Две чашки кофе помогли не уснуть, но Ева подумывала об уколе чистого кофеина. В конце концов, они ведь едут в больницу, так? Хотя Ева терпеть не могла уколы, она согласилась бы уколиться ради хорошего заряда бодрости.

Еве пришлось показать жетон, чтобы пробиться к регистратуре приемного покоя, и после некоторого замешательства ей сообщили отделение и этаж, куда перевели Дафну Страцца. Ева поднялась туда и еще раз пустила в дело жетон.

— Мне нужно поговорить с доктором Ноблом, — сказала медсестра.

— Отлично, но мы пойдем к Дафне Страцца прямо сейчас, иначе я пробью себе дорожку жетоном и пистолетом и сама найду охранника у ее палаты.

— Вниз по коридору и направо. Палата номер пятьсот двадцать три.

— Поняла.

— Мне бы, наверное, не хватило наглости так сказать, — заметила Пибоди, когда они пошли к палате.

— Конечно, в таких-то девчачьих ботиночках!

— Они не девчачьи!

— Розовые, с мехом? Девчачьи и есть.

На стуле возле пятисот двадцать третьей палаты сидел полицейский в форме и играл на портативном коммуникаторе. Услышав решительные шаги Евиных

не девчачьих ботинок по кафелю, полицейский сунул коммуникатор в карман и встал.

— Здравствуйте, лейтенант. В палату никто не входил, кроме медицинского персонала. Медсестра проверяла самочувствие больной минут десять назад. Она проснулась.

— Хорошо. Оставайтесь пока здесь, офицер. Мы попросим, чтобы вас сменили.

Ева и Пибоди вошли в палату.

Дафна лежала в постели. Верхняя часть тела женщины была слегка приподнята, цвет кожи выглядел почти нормальным, а гематомы и отеки на лице стали менее заметны благодаря медицинскому вмешательству. Дафна смотрела в окно пустым взглядом до тех пор, пока Ева не попала в поле ее зрения.

— Я вас знаю, — произнесла Дафна и моргнула.

— Лейтенант Даллас. Я привезла вас в больницу.

— Да, и еще мужчина с голубыми глазами. Я запомнила его голубые глаза.

— Их трудно забыть. А это моя коллега, детектив Пибоди.

Дафна перевела взгляд.

— О, здравствуйте.

— Миссис Страцца, — окликнула ее Ева, вновь привлекая внимание к себе, — я вынуждена сообщить, что, к сожалению, сегодня рано утром вашего мужа убили.

Дафна в упор смотрела на Еву.

— Убили?

— Его тело нашли в спальне, где на вас напали.

Дафна лежала тихо, но ее дыхание ускорилось. Аппарат с монитором запищал чаще.

— Я не умерла. — Она повернула голову, вновь уставилась сухими, широко распахнутыми глазами в окно. — Я не умерла. Я думала, что... Мой муж погиб.

— Примите соболезнования, миссис Страцца, — сказала Пибоди.

— Мой муж мертв. Случилось что-то ужасное. Вы знаете, что случилось?

— А вы?

Дафна закрыла глаза. Ее руки неподвижно лежали на одеяле, словно она спала.

— Я словно смотрю на занавес. Кое-где он тоньше, и я вижу, а в других местах он плотнее, и я ничего не вижу. Я чувствую, что меня уносит, я будто уплываю. — Она вновь открыла глаза. — Я уплываю?

— Это из-за лекарств.

— Плыть так приятно. Я чувствую себя свободной. Я не вижу мужа ни сквозь занавес, ни когда я плыву. Я не вижу, что с ним случилось. Возможно, он не умер. Он очень важный человек. Очень сильный. Высококвалифицированный хирург. Он...

— Мне жаль, — перебила Ева. — Я сама идентифицировала его тело.

— Тело, — прошептала Дафна.

— Что вы видите? Что помните?

— Дьявол. Но это не дьявол. Это человек. Как может дьявол быть человеком? А вот человек может стать дьяволом.

— Как выглядит дьявол?

— У него огненно-красное лицо и маленькие рожки здесь. — Дафна показала на лоб. — Думаю, у него красные глаза... нет, желтые. Огоньки мигают красным и желтым. Кто-то кричит. Кто-то смеется. Энтони?

Нет, мой муж не смеется. Он не кричит. Мне трудно дышать, я не могу дышать!

— Можете, все хорошо. — Ева положила руку на плечо женщины, которая заметалась на кровати, хватая ртом воздух. — Вы можете дышать. Вам никто не причинит вреда.

— Больно, очень больно! — Из широко открытых глаз Дафны брызнули слезы. — От него нельзя уйти, он все равно достанет. У меня был секс с дьяволом, и это так больно, он разрывает меня... Я не хочу, не хочу!

— Вас никто не тронет. — Ева присела на краешек кровати. — Он вас не достанет.

— Он найдет меня! — Дафна схватилась за Еву, села, не выпуская ее руки, обвела комнату безумным взглядом. — Он меня везде найдет!

— Нет, не сумеет.

— Он выбрал меня. Шлюха дьявола. Это ужасно больно, когда он делает меня своей шлюхой! Жжет, как огнем! Его член пылает пламенем и жжет! — Дафна еще крепче стиснула руку Евы и прошептала: — Если молить и сопротивляться, он делает еще больнее.

— Вы здесь в безопасности.

Дафна откинулась на подушки, закрыла глаза, по ее щекам катились слезы.

— Нигде нет спасения...

В палату вбежал Дел Нобл.

— Отойдите! — рывкнул он на Еву и ласково коснулся щеки Дафны. — Все хорошо, все в порядке. Вы меня помните?

Она открыла глаза, посмотрела на доктора.

— Вы врач. Доктор Нобл.

— Совершенно верно. Мне нужно вас осмотреть. Проверить, как ваши дела. — Он оглянулся, когда в палату вошла медсестра. — А это Рода. Она поможет вас осмотреть.

— Вы будете меня трогать?

— Очень осторожно, обещаю.

Рода шагнула вперед, улыбнулась.

— Доктор Нобл милашка!

Дел смущенно хмыкнул.

— Он о вас позаботится.

— Если дьявол придет...

— Полиция его не пустит. И доктор Нобл тоже.

Дел посмотрел через плечо на Еву.

— Оставьте нас на минутку.

В коридоре Ева начала расхаживать из стороны в сторону.

— Нужно сменить охранника.

— Она уже едет сюда. Я подумала, что в сложившихся обстоятельствах больше подойдет женщина-полицейский.

— Да, отлично. Дафна не притворялась.

— Нет. Галлюцинации?

— Посмотрим, что скажет доктор. Они взяли анализ на наркотики. А может, нападавший был в маске или загримирован. Замаскировался под дьявола. Поищи нападения, убийства, изнасилования, проникновения в жилища, где преступник переодевался дьяволом.

— Хорошо, займусь. А глаза, красные или желтые?

— Он мог изменить цвет. Мог устроить собственное световое шоу: вспышки красного и желтого света, чтобы усилить впечатление и напугать. Или у нее все перепуталось, и она так видит.

— Ага. А пылающий красный пенис... Сейчас можно найти презервативы и сверкающие, и пылающие...

— Я знаю о презервативах, Пибоди. Возможно, Дафна видела его руки. Если на нем не было перчаток, она сможет сказать, какой он расы. Нам нужно...

Ева замолкла на полуслове, когда из палаты вышел Нобл.

— Я не допущу, чтобы вы на нее давили. Она сейчас очень слаба и уязвима.

— Я не давила. Не в первый раз разговариваю с жертвой изнасилования. Мне нужно было сообщить ей, что Энтони Страцца убит.

— Убит? — Дел отступил на шаг. — Он мертв?

— Можно сказать и так, если кого-то убивают.

— Господи! — Дел потер шею и закрыл глаза. — Господь всемогущий!

— Она помнит все урывками, и в основном про дьявола. Наркотики?

— Нет, чисто. — С шумом выдохнув, Дел открыл глаза. — Ни запрещенных веществ, ни медикаментов. ДНК насильника тоже не обнаружено. Осторожный мерзавец.

Еще раз шумно выдохнув, врач потер переносицу.

— Господи, Страцца... Послушайте, мне нужно выпить кофе. Комната отдыха вон там.

Он отвернулся и хотел было пойти вниз по коридору.

— Вы всю ночь провели на ногах?

Дел пожал плечами.

— Подремал пару часов. Дафна меня знает, или помнит, и потому доверяет, насколько это возможно. Мне нужно быть рядом, пока ее состояние не улучшится.

Он привел Еву и Пибоди в помещение, не слишком отличавшееся от их собственной комнаты отдыха. Там даже пахло почти так же — плохим кофе и усталостью.

— Хотите?

Ева с подозрением изучила ветхий автошеф.

— Ни в коем случае.

Усмехнувшись, врач посмотрел на Пибоди, но та лишь покачала головой.

— Тогда только для меня. Вот вам подробности происшедшего с Дафной, и простите мой медицинский жаргон. Какой-то ублюдок ее избил, потом насильовал до потери пульса, изрезал, запугал и долбанул по голове чем-то тяжелым. Понятно, что у нее не все в порядке с мозгами.

— Думаю, я понимаю ваш профессиональный язык.

— Хорошо.

Он отхлебнул кофе.

— Господи, то, что надо! — Еще один глоток, и Дел продолжил: — Добавьте сюда переохлаждение. Немудрено, что ее воспоминания спутались, а кое-что вообще выпало из памяти, возможно, навсегда. И не только из-за физических травм, вроде удара по голове или гипотермии; это психологическая защита. Теперь, когда я знаю, что мужа Дафны, скорее всего, убили на ее глазах, я более чем уверен: в этой точке защита особенно прочна. Мозг блокирует то, с чем не в состоянии справиться.

— Не волнуйтесь, — спокойно произнесла Ева, — мне не нужна лекция о психотравмах. Я работаю копом дольше, чем вы доктором.

Он бросил на нее взгляд из-за края уродливой серой кружки.

— Ну, не знаю. Я попробовал себя в роли доктора с Кэсси Роулинг, когда нам было лет по шесть.

— Это не работа, а извращение.

— Шестилетка не может быть извращенцем.

— Да, но начало положено.

Дел снова усмехнулся.

— Вы мне нравитесь, и для этого мне не нужно консультироваться с видеозаписями или книгами. Когда-то я смотрел много видео и читал книги... — задумчиво произнес он. — Тем не менее я искал, кто вы такие. Вас ведь зовут Пибоди?

— Да, приятно познакомиться.

— Вы мне понравились бы уже после нашего разговора или после того, как привезли несчастную женщину в больницу. А теперь, узнав больше о вас обеих, я искренне вами восхищаюсь. Дафне повезло, что она попала в ваши руки. Однако сейчас за нее отвечаю я. И, если говорить профессиональным языком, она полная развалина. Мы ей поможем, она окрепнет, и ее психика восстановится. Только прошу, пока не трогайте ее.

— Насколько улучшится состояние Дафны, если она узнает, что ублюдок, который издевался над ней и убил ее мужа, пойман?

— Давайте сойдемся на том, что каждый из нас будет делать свою работу. Я с пониманием отнесусь к вашей, а вы не станете слишком сильно давить на Дафну.

— Согласна. У ее палаты будет дежурить полицейский. Нужно сказать об этом Дафне, возможно, ей станет легче.

— Офицер Мэрилин Уош, — сообщила Пибоди, сверившись с коммуникатором. — Только что заступила

на пост. Будет дежурить восемь часов, потом ее сменил Карен Лоренцо, а еще через восемь часов пост примет Зои Руссе.

— Все охранники — женщины. Весьма предусмотрительно. — Дел бросил взгляд на наручный коммуникатор, налил себе еще кофе. — Пора дать Дафне обезболивающее. Ей пришлось нелегко, пока брали все анализы. Подождите несколько часов, хорошо? Все равно она ничего сейчас не вспомнит. Она должна поговорить с психотерапевтом, помогающим жертвам сексуального насилия, и с психологом, который поможет ей справиться с утратой близкого человека.

— У меня есть знакомая, она специализируется на обоих направлениях.

— Мне не нужна какая-нибудь...

— Это доктор Мира.

Недовольное выражение исчезло с лица Дела.

— Доктор Шарлотта Мира?

— Да. Есть возражения?

— Ни единого. Буду вам искренне признателен.

— Она позвонит и договорится о встрече. Если Дафна скажет что-нибудь еще, срочно сообщите мне.

— Конечно. Мне самому станет легче, когда этот ублюдок угодит за решетку.

Ева кивнула и оставила врача в раздумьях: налить ли еще одну кружку ужасного кофе или не стоит.

— Организуй мне встречу с Мира, — сказала Ева Пибоди, когда они шли по коридору. — И надо посмотреть, кто из наших может заняться допросами. Вряд ли преступление совершил кто-то из гостей, но необходимо все проверить. А мы с тобой займемся компанией, которая обслуживала банкет.